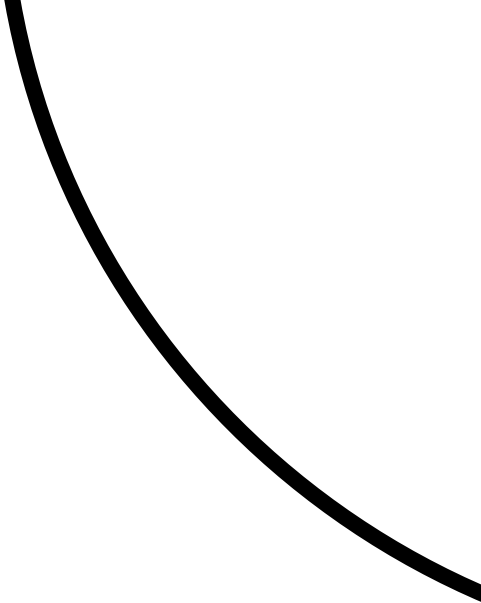

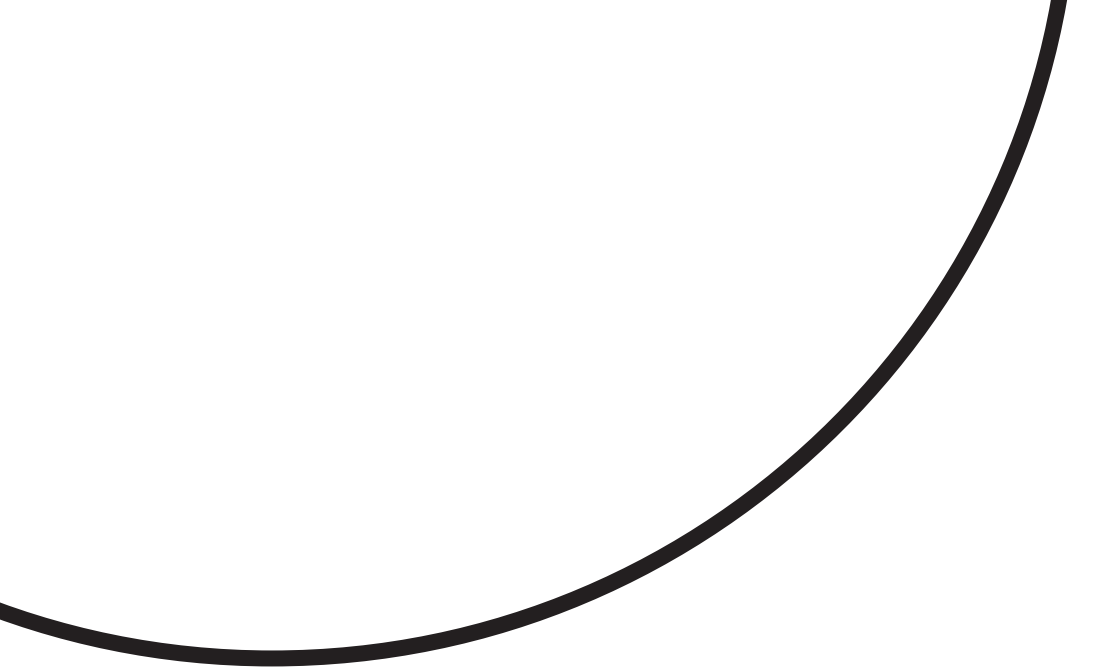
ВЖИК

номер 1 (2009)

ВГИКу
90
лет

Дети Дикой
Окраины
Петр Луцик и
Алексей Саморядов

ВГИК
Жизнь
Искусство
Кино

письмо редактора
стр. 3-4

«Набережная неисцелимых»
Е.Симбирская

событие года. к юбилею ВГИКа
стр. 5-20

«Фоторепортаж с учебной киностудии ВГИКа. Very Important Persons»
Д. Горюнков
«Петр Луцик и Алексей Саморядов. Дети Дикой Краины»
Е. Симбирская
«Недкая реальность на диком поле»
Е. Воловельская

ВГИК выходит из себя
стр. 21-24

«ЗАВТРА. Фестиваль экспериментального кино. Интервью с Г. Подземельным»
А. Степанова

лица ВГИКа
стр. 25-30

«Серapiионовы сестры»
М. Однолетко

синефильный разум
стр. 31-40

«Индия глазами современных кинематографистов»
М. Мурашкина
«Бумажный солдат» Е. Колосовская

где-то на краю земли
стр. 41-44

«Кролик.ру - интернет-проект Ф. Бондарчука»
Е. Симбирская

авансцена
стр. 45-46

«Женитьба». Неудавшийся праздник»
Н. Артемьева, Я. Суетина

сценарий ищет режиссера
стр. 47-50

«Не судьба»
В. Малахов
«Добро пожаловать»
У. Фецулова

короткая проза
стр. 51- 60

«Цфат»
Ю. Новичева

Журнал «ВЖИК» - проект Всероссийского государственного университета кинематографии (ВГИК) им.С.А.Герасимова
Главный редактор: Е.Симбирская
Дизайн, верстка, подготовка к печати: Н.Фролова
Над номером работали: Д.Горюнков, А.Степанова, М.Однолетко, Е.Колосовская, Н.Артемьева, Я.Суетина

Издание осуществляется при поддержке Министерства культуры РФ

НАБЕРЕЖНАЯ НЕИСЦЕЛИМЫХ

«Взгляд есть орудие приспособления к окружающей среде, которая остается враждебной, как бы хорошо к ней не приспособиться. Враждебность окружения растет пропорционально длительности твоего в нем присутствия, причем речь не только о стариках. Коротче, глаз ищет безопасности. Этим объясняется пристрастие глаза к искусству вообще и к венецианскому, в частности. Этим объясняется тяга глаза к красоте, как и само ее существование. Ибо красота утешает, поскольку она безопасна. Она не грозит убить, не причиняет боли. Статуя Аполлона не кусается, и не укусит пудель Карпаччо. Когда глазу не удастся найти красоту (она же утешение), он приказывает телу ее создать, а если и это не выходит, приходится находить достоинства и в уродстве. В первом случае он полагается на человеческий гений; во втором обращается к запасам нашего смирения, которого всегда больше, и поэтому, как всякое большинство, оно склонно диктовать законы».

Иосиф Бродский

«Набережная неисцелимых»

Ноябрь 1989г.

Мы с вами не в Венеции, которой Бродский посвятил это произведение, но это совсем не значит, что мы не создаем красоту прямо здесь, у себя в мастерских, на столах, коленях. Мы стараемся ее создать, дабы почувствовать то самое исцеление от гнета каждодневной опасности, которая окружает нас. Ведь сложно не согласиться, что красоты в нашем современном мире катастрофически мало. Окружающее нас, порой столь неприглядно, что хочется окунуться в целый водопад красоты. Искусство – красота. Тожественны ли эти слова сейчас, в 21 веке? Хочется надеяться, что стимулы создания произведений 20 века наконец-то уйдут на задний план, и мы перестанем стремиться побуждать к действиям своими творениями, а просто будем показывать красоту, которая уже сама является лучшим источником жизни. «А когда же просто жить, мадам Вавилова?» - как было сказано в фильме Александра Аскольдова «Комиссар».

Сейчас мы в большей степени привыкаем к уродству повседневности, но и это, я верю, пройдет без следа. Конечно, вряд ли в нашем искусстве наступит ренессанс, но, по крайней мере, уже сейчас, на просторах Интернета можно найти отечественных художников, графических дизайнеров, мультипликаторов, которые рожают, без преувеличения, чудесные по красоте и глубине смыслов произведения. Наступил новый 2009 год. В этом году ВГИКу исполняется 90 лет. И все выпуски журнала будут посвящены этому юбилею и тем, кто составил славу нашей прекрасной киношколы.

Начнем с публикации фотографий работников вуза: в первом номере – это представители учебной киностудии. Также мы решили вспомнить добрым словом знаменитых сценаристов, наших выпускников, Петра Луцика и Алексея Саморядова. Взяли интервью у организатора кинофестиваля «Tomorrow», выпускника ВГИКа, Григория Подземельного, поговорили со студентами художественного факультета – сестрами Манохиными, и расспросили Владимира Макина о том, как он вместе с Федором Бондарчуком создал новую лабораторию мастеров 21 века – кинопортал «КРолик.ру».

Остается напомнить, дорогие студенты, что редакция журнала ждет ваши короткометражные сценарии и прозу, дабы поместить их на страницы ВЖИКа.

Елизавета Симбирская,
главный редактор «ВЖИК»

Фоторепортаж с учебной киностудии ВГИКа

VIP*

Они не получают наград за лучшие фильмы. Они не празднуют своих юбилеев в актовом зале. Они не читают лекций. Но они помогают нам учиться, решают, порой, наши проблемы, делают наши работы интереснее, позволяют нам смотреть мировые шедевры кино. Они – пять работников учебной студии и один киномеханик.

***очень важные персоны**

фотографии Даниила Горюнкова

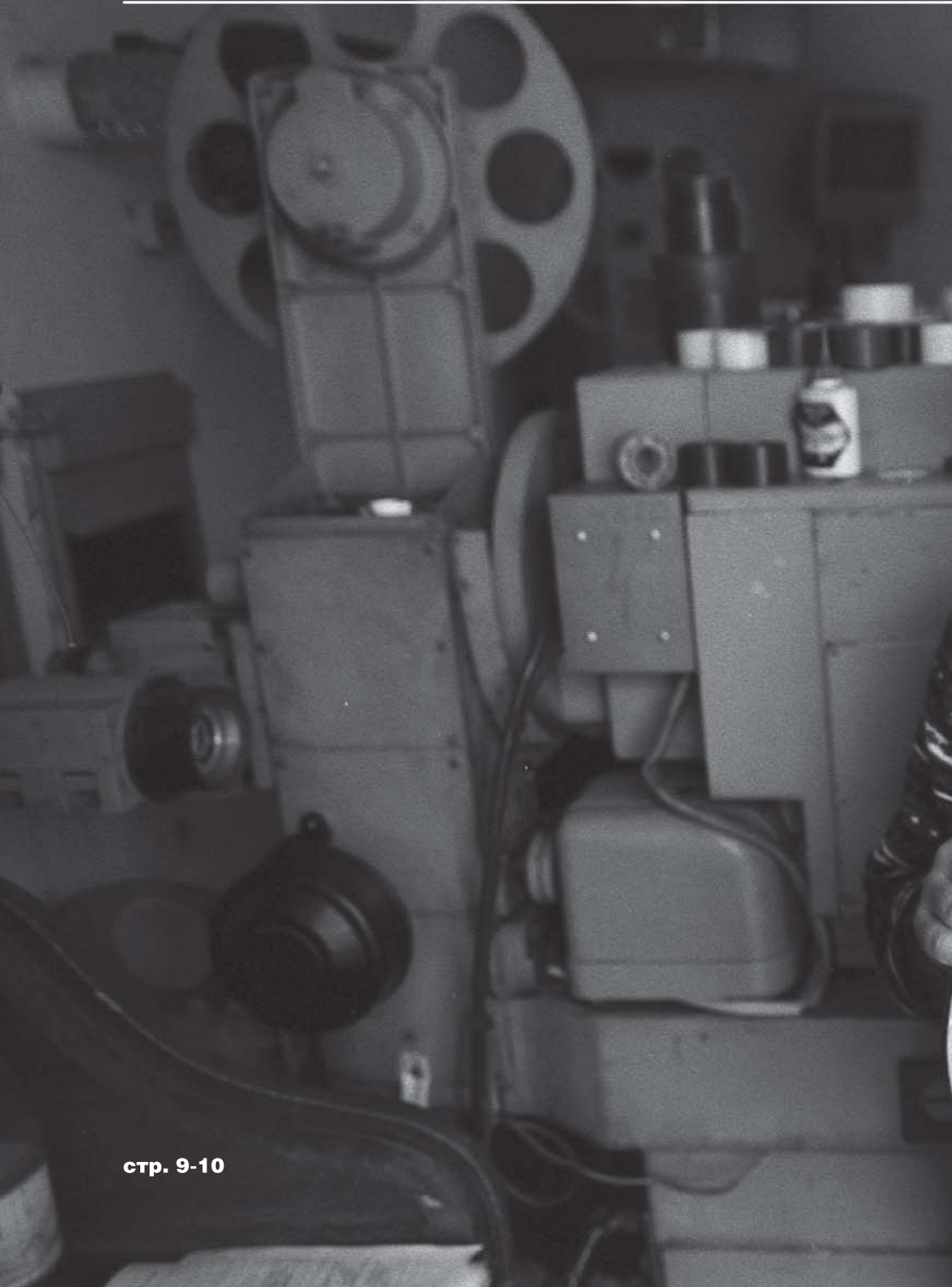

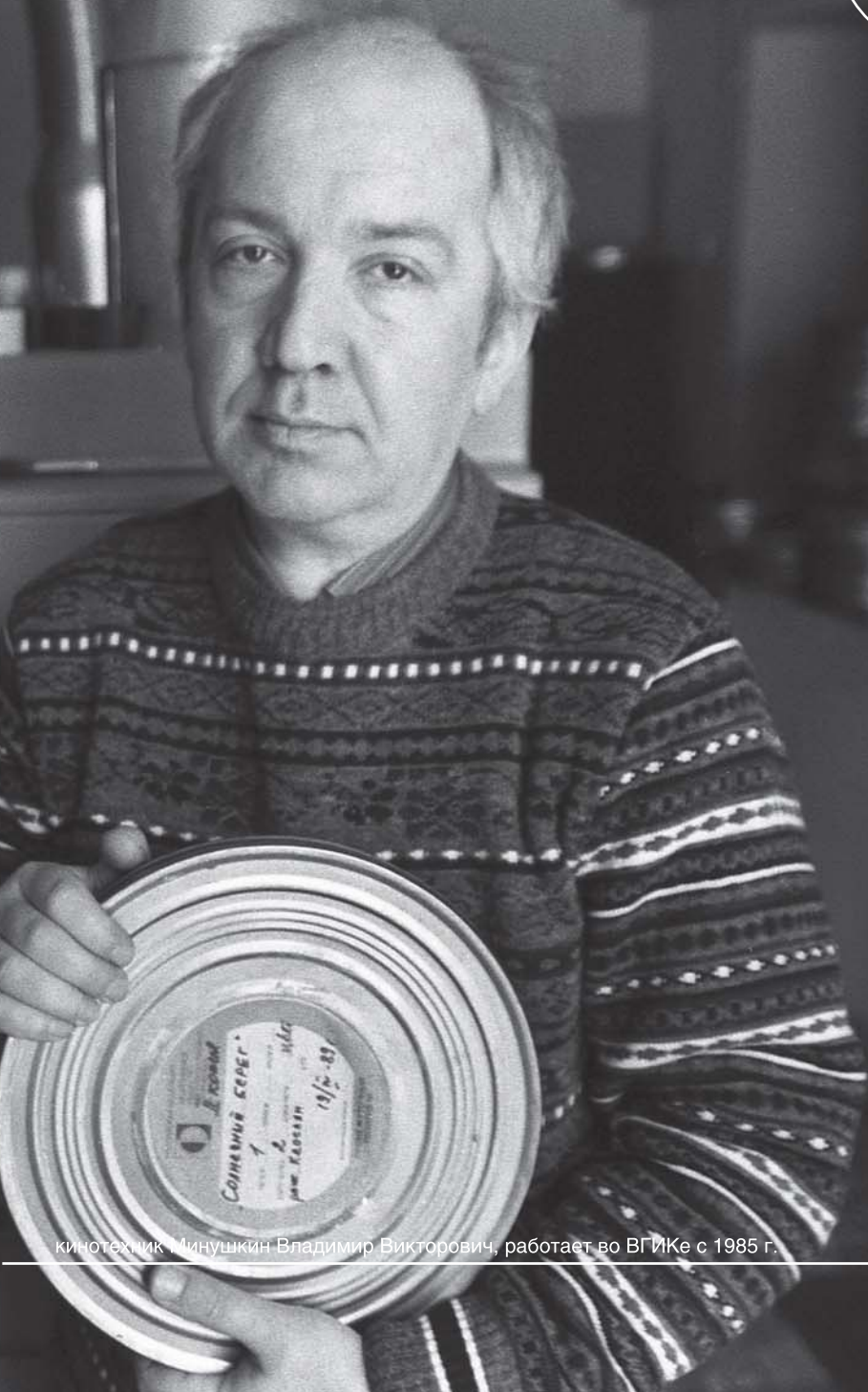
монтер-реквизитор Кобзева Людмила Деомидовна, работает во ВЖК с 1995 г.

художники по костюмам Гуреева Лариса Михайловна
и Минькова Ольга Давыдовна, работают во ВГИКе с 1980 и 1977 гг.

кинотехник Минушкин Владимир Викторович, работает во ВЖИке с 1985 г.

механики по обслуживанию съемочной техники Косяков Сергей и Косякова Аня,
работают во ВЖИKe с 2008 г.

Дети Дикой Окраины

ВГИКу 90 лет. За эти годы через двери любимого вуза прошли самые талантливые, интересные, творчески состоятельные студенты и мастера в области кинематографии. В этом номере мы расскажем о двух сценаристах, выпускниках ВГИКа, ставших еще при жизни классиками. Но настоящий талант не исчезает и после смерти. В этом году Петр Луцик и Алексей Саморядов посмертно получили премии «Золотой Орел» и «Ника» за лучший сценарий, а фильм «Дикое поле» режиссера Михаила Калатошвили был признан лучшим отечественным фильмом на кинопремии «Золотой Орел». Сценаристы Петр Луцик и Алексей Саморядов – герои с обложки.

ПЕТР ЛУЦИК И АЛЕКСЕЙ САМОЛЯДОВ

текст Елизаветы Симбирской

Дети Дикой Окраины

«...Ничего не изменилось. Это мы говорим, что время уходит. Хасиды говорят иначе: «Люди уходят, а время стоит на месте». Я это чувствую. Ничего не происходит. Все нормально. Женщинам две тысячи лет назад нравились украшения, а мужчинам власть – и сейчас нравятся».

Петр Луцик

Уже давно в России не снимают актуальное кино. Даниил Дондурей, главный редактор «Искусство кино» после Кинотавра 2007 года говорил: «У нас снимают старое кино». Именно старое. Будто бы в стране ничего не происходит, не меняется, будто бы нет современных проблем и течений, а все только либо переложения классики, либо сюжеты вечные – про любовь. Современное отечественное кино не отражает сегодняшнего дня с его плюсами и минусами. Две волны, когда кинематограф СССР и РФ рассказывал не сказки на ночь, а документально отражал суть событий - это всеми любимые 60-е и всеми забытые 90-е. Во второй период было снято немало прекрасных, но мало кому известных фильмов. Экономический кризис, кризис кинопроизводства, кризис общечеловеческий. Но именно тогда сюжеты были самой солью, о том, что вокруг творится, о тех, кто вступает в жизнь, набирает силы для будущего, о тех, кто сейчас либо умер, либо живет. Всегда два варианта.

Кино 90-х – кино пессимистическое. Из интервью с Д. Дондуреем о кинематографе 90-х: «С 1988 года началось невероятное испытание, которое, скажу правду, художники не выдержали. Испытание свободой. Помню, как в начале 1990г. Элем Климов горько признавался мне: «Мы так боролись с Системой, пробивали эту стену, не жалея рук и голов. «Стена» рухнула, а за ней оказалось зеркало. И каждый остался один на один со своим отражением, с самим собой...» Трагичнее сказать об этом времени трудно. С тех пор многое изменилось. Экономика страны выросла, на смену обнищавшим студиям пришли новые, оснащенные по последнему слову техники. Больше нет исключительно голливудского проката в кинотеатрах. Россия постепенно выходит на общемировой уровень по количеству снимаемого продукта. Но мы все также стоим перед зеркалом, в которое все также отказываемся смотреть. На это надо очень много смелости. Были в те далекие 90-е люди, которые срывали простыни с зеркал и громко говорили о том, что видят. Сценаристы Петр Луцик и Алексей Саморядов всегда работали вместе. Они познакомились во ВГИКе и пронесли эту дружбу через всю жизнь. Дружба для них была чем-то большим, ведь она неотъемлемо связана с творчеством. Неизвестно, как сложилась бы их судьба, не повстречай они друг

друга, но вместе у них получалось «горы свернуть», и они знали это, ценили, понимали, как это дорого - найти «своего» в мире искусства, тем более в кинематографе. «Петя и Леша стали друзьями и соавторами. Когда это произошло? Не знаю. Я просто не помню их врозь. Здесь, в самой маленькой вгиковской аудитории под номером 203 вставали рядом на наших глазах два равновеликих имени — Петр Луцик и Алексей Саморядов. С первого курса они писали очень сильно и были лучшими в мастерской. Каждый раз они приносили новые, ни на что не похожие сюжеты. То казаки с нагайками вырывались из глубины времени, чтобы высечь голую задницу райкомовского чиновника, то прочитывалась захватывающая история мальчика-мутанта, живущего в трубах под центром Москвы. Их всегда было интересно просто слушать». Считаясь одними из самых талантливых сценаристов нового поколения, получая престижные премии за свои работы, они оставались очень скромными людьми, всегда недовольными результатами работы. «С этими именами многие связывали кино XXI века, мост к которому они проложили уже сегодня. Вспомните недавние фильмы, основательно пошумевшие по большим и малым экранам — «Дюба-дюба», «Гангофер», «Дети чугунных богов», «Лимита» — все они поставлены по их сценариям. Все получили высокие награды на престижных российских и международных фестивалях. И только авторы сценария, Луцик и Саморядов, еще вчера никому не известные парни с окраин нашей великой и нерушимой, были вечно удручены увиденным на экране и искренне жалели о неудаче, о том, что не сняли своих фамилий с титров...»

Луцик жил в Самарканде и Ташкенте, Саморядов родом из Оренбурга. И тот факт, что они родились и выросли в атмосфере, далекой от столичной, сыграл большую роль. Сценарии, ими написанные, — про людей, либо живущих далеко от центра, либо уезжающих на периферию. К сожалению, и по сей день, жизнь Москвы разительным образом отличается от условий жизни в провинции. Как это было показано в фильме «Окраина», так и осталось по сей день, и отразилось с новой силой в диалогах «Дикого поля»: «Перфильев достал из своего «ЗИЛа» лопату и, подойдя к одному из убитых, стал примериваться.

— Ты чего это хочешь делать, голубь мой? — спросил его Рябов.

— Да вот, голову себе заберу, — просто ответил Перфильев.

Перестав писать, Митя с удивлением посмотрел на мужика.

— Голову? — вкрадчиво переспросил Рябов. — А на что тебе, позволь узнать, голова?

— Трофей, — отозвался Перфильев. — Я от него пострадал, я его и убил! Вот голова трофеем и будет, сувенир вроде!

Все, кроме Рябова и Мити, заулыбались.

— И что ты с ней делать будешь? — продолжал пытаться Рябов.

— А что захочу, то и сделаю! — начал злиться Перфильев. — Захочу — на кол повешу, захочу — пепельницу сделаю! — И он занес лопату над мертвым.

— Ну, руби, руби, — кивнул Рябов. — А я тебя посажу за надругательство над трупом, на три года!

Перфильев задышал тяжело и шагнул к Рябову.

— Посадишь меня? — сказал он со злобой. — По какому закону? Коммунистов нет, Москве мы не присягали, да тебя самого, Рябов, пытать надо, что ты за человек, понял? Нет твоей власти, понял? Я сам над собой теперь власть!»

Луцик и Саморядов умели отразить простоту, мудрость, внимательность к мелочам, диковатость и суеверность русского народа на примере диалогов, где прослеживался простой жизненный юмор, говор, метод построения фраз, языческие наклонности, до сих пор не переродившиеся в христианскую веру. Они прекрасно знали своих героев, потому что во многом сами были таковыми. В творчестве Луцика-Саморядова прослеживается связь с прозой Андрея Платонова. В конце 80-х почти каждый молодой писатель попадал под влияние этого прозаика и все попытки эпигонства или «продолжения эстетики Платонова» проваливались. К платоновскому языку принорвиться можно с легкостью, а вот к мироощущению не получалось. Да и невозможно к нему приноравливаться. Платоновская линия неожиданным образом нашла свое продолжение в кино. У Луцика (который признавался, что почти не читал Платонова) и Саморядова было родственное видение мира с видением Платонова. Даже время, в которое они работали, было в чем-то сходно — хаос и неизвестность впереди, котлован истории. Что бы ни говорили о вычурности прозы автора «Чевенгура», Платонов умел раскрыть в диалогах настоящий крестьянский юмор. Юмор «корневой» и не поддельный, как средство выживания и противодействия суровому космическому холоду. У Саморядова был тот же дар, реплики его героев хочется повторять и смаковать, и, благодаря им, перестраиваться с суеты на лад простого и вечного.

«А вы знаете, что самые страшные люди на земле — это крестьяне? Чеченские крестьяне... русские крестьяне, которые вели гражданскую войну. У людей, которые могут резать курицу, свинью и корову — другое отношение к крови. Для них отрезать человеку голову — это нормально. Вчера зарезал свинью, а сегодня критика резать — плевое дело... Свинья дороже, я ее щепочкой чесал, грязь с нее счищал, молоком выкармливал. А за землю они вообще глаза выедят. И не в том дело, что в ней нефть или алмазы. За голую землю, на которой ничего и вырасти не может». Эта фраза, как нельзя лучше, характеризует фильм «Окраина» режиссера Петра Луцика, который он снял по их общему с Саморядовым сценарию уже после смерти друга. Этот фильм 1998 года стал, по выражению Кирилла Разлогова: «Первым культовым фильмом постперестроечной эпохи». Сюжет его разворачивается вокруг нескольких мужиков с окраины, которые хотят отстоять свои права на землю, где они родились, живут и работают. Землю эту купил некий олигарх, имеющий желание взрастить на ней нефтяную вышку. Именно нефть придет на смену зерну. Ощущения от «Окраины» варьируются — от жутковатых до вызывающих смех. Правда, смех тоже весьма ироничен. Весь фильм, безусловно, построен на эстетике классического советского кинематографа с элементами притчи, сказки. Великолепная музыка сопровождает героев в их нелегком путешествии от одного продавца земли к другому. Они приезжают в Москву, где хоть и в костюмах, и галстуках, а все равно «рубят» головы своим врагам. Их варварство, племенное поведе-

ние, что подтверждается эпизодом, где главный герой смотрит по телевизору танцы африканского племени, дает повод сравнить историю «Окраины» с историей России, а именно – время революции и гражданской войны. Сходство здесь есть даже в имени одного из героев – Василий Иванович, как Чапаев. «Окраина» – невероятно режиссерское кино, насыщенное яркими выразительными сценами. Петр Луцик оказался не только блестящим сценаристом, но и отличным режиссером. Ощущение, которое вызывает этот фильм двоякое. Главные герои, как изверги, пытаются допрашиваемых, а допрашиваемые без пыток не сдаются. В итоге каждый получает желаемое. Одни свободу, другие информацию. И, в конечном счете, земля остается за крестьянами. Но вот какой ценой. Из сюжета «Окраины», вполне возможно, выросли многие российские чернушные боевики и сериалы. Или это «Окраина» была вскормлена ими...

Кинематограф на бумаге, который создавали эти сценаристы, – это история государства, в котором они живут. Они открывали не только новый вид киноискусства (ведь 90-е – это новое время, новые правила жизни, новые умения, чтобы выжить), но и шли по пути классической русской литературы, когда герои – глубокие, многослойные личности, а их поступки отражают самые важные, насущные проблемы жизни. В этом смысле, фильм «Дикое поле» можно считать возрождением лучших традиций российского кинематографа.

Сейчас не снимают актуальное кино. Или не пишут текстов, которые самым простым языком рассказывают о самых сложных, общечеловеческих вопросах, отражают новое, вступившее в жизнь с новыми силами поколение. Современный российский кинематограф все соревнуется с Голливудом, кажется, не осознавая, что ему это не надо, что прелесть российского кино в его самобытности.

«У Николая Коннова с хутора Казанского жена рожала. Сидел он дома, ждал, тут женщины вдруг выбежали, кричат: «Беги сына встречай». Он выходит в дом и видит: жена его родила овцу. Лежит овца на постели, вся в крови и блеет, а жена плача гладит ее. Выбежал он из дома: «Боже ты, Боже, ведь мы еще все живы, что же ты делаешь», — и поскакал в степь.

Не знаю, сколько он ехал, только видит, на холме хутор, заброшенный и церковь на площади. Выехал он на площадь, а возле церкви люди, все лицами темные и, молча, роют землю ножами. А рядом мальчик сидит, лет десяти, на лавке и на него смотрит. Подъехал он ближе, а мальчик встал и говорит: «Езжай домой, Коннов. Бог отвернулся от русских, я ваш последний ангел остался. Езжай и живи, как есть, лучше не будет».

Перегнулся тогда Коннов с седла и ножом хватил его по горлу. Раз отвернулся, то и ангела нам последнего не надо, мы другого Бога сыщем. И усккал».

Алексей Саморядов «СКАЗКА ПРО ПОСЛЕДНЕГО АНГЕЛА»

При написании статьи был использован текст Веры Туляковой из предисловия к книге «Праздник саранчи» Петра Луцика и Алексея Саморядова, а также рецензия на фильм «Дикое поле» с сайта www.cinefil.ru

Недичкая реальность на дичком поле

текст Жени Воловельской

Стихи Некрасова про великую Русь надоели. Веры в эту страну осталось столько же, что и веры в мир во всем мире. Россия – это странное государство, которое умом как раз понять просто необходимо. Очень удачную попытку в этом направлении предпринял режиссер Михаил Калатоцишвили, закончивший режиссерский факультет ВГИКа (мастерская Е.Дзигана), сняв фильм «Дичкое поле». Название фильма очень точно отражает сущность не только того, что происходит в кадре, но и того, что происходит за кадром. То есть в России. Сценарий фильма был написан двумя талантливыми сценаристами Петром Луциком и Алексеем Саморядовым пятнадцать лет назад. С тех пор по сути ничего не изменилось в стране, кроме того факта, что обоих сценаристов больше нет на белом свете. Оба они ушли в молодом возрасте, что вообще-то характерно для талантливых русских людей.

Режиссер Калатоцишвили очень осторожно и бережно отнесся к сценарию пятнадцатилетней давности, не нарушив его атмосферы, точности в описании. Сюжет фильма не утратил изначально заданного философского контекста, граничащего с притчей. Актеры, как давно известные Юрий Степанов и Роман Мадянов, так и молодые Олег Долин, Ирина Бутанаева, Даниэла Стоянович отразили в своих героях ощущение отчужденности и состояние одичания, ненужности по отношению друг к другу.

Дичкая степь. Степь вокруг одного дома, похожего на сарай. В доме живет врач Дмитрий. Он молодой и тем смущает зрителя - сразу возникает вопрос: а что он там делает? Ведь герой «Записок молодого врача» Булгакова вряд ли сейчас возбуждает желание в юных медиках отправиться на край света, чтобы лечить людей, спасать им жизни. А Дмитрий живет в степи, и к нему приходят больные люди, иногда приводят своих больных коров. Они уважают Дмитрия, и ему это нравится. Ему, собственно, хорошо в этой степи. Он ко всему относится спокойно, как настоящий врач во время операции. У него холодный ум, который позволяет ему находить неожиданные методы лечения при отсутствии условий

для врачебной деятельности. Оперирует он на камне. Возвращает к жизни каленым железом.

Условия, окружающие героя и нас, живущих наяву, диктуют правила, по которым мы живем. Мы живем в диком поле, где пышно цветет язычество, архаизм и суеверие вместо веры. В фильме Калатошишвили это показано так точно и однозначно, что не понять этого просто невозможно. Все символы совершенно читаемы, все образы абсолютно правдоподобны. Степь – это декорация для этого конкретного действия. Потому что простора много, местность живописная, песок времени сыпется постоянно в глаза. Время идет, глаза болят, а сделать ничего нельзя.

Сюжет развивается в нескольких направлениях, но это совсем не делит фильм на отдельные, несвязанные друг с другом части. Наоборот, из частного получается общее. Процесс индукции. Каждая новелла – про девушку, которой не нужен мужчина в степи, и она выходит замуж за другого. Про ревнивца, который хотел убить первую красавицу на сто километров и себя вместе с ней. Это маленькие осколки мозаики, которые складываются в общее дикое полотно.

История с пастухом, которого убило, по мнению врача, и не убило, по мнению других пастухов – просто великолепна. Для настоящего жителя России закон не просто не писан – он его постоянно опровергает. Всем своим видом и всей своей жизнью. Пастуха закопали в землю, после того, как его шибануло разрядом, примерно так в несколько тысяч вольт. Товарищи закопали голого пастуха в землю. Оставили на воздухе только голову и левую руку. Лежит он себе и напоминает Иисуса, снятого с креста. Дмитрий – главный герой – констатирует смерть. Мол, сердце не бьется. А ему пастухи в ответ – отойдет. Полежит всю ночь в земле и отойдет. Естественно – к утру пастух ожил. «Человек, он не сразу помирает. Иной размотришь, умер, а он нет, отходит. Полежит, полежит и — отходит». Так разве это про пастуха? Это же про Россию. Про ее историю. Полежит, полежит и отходит. Так и живем. Никак не загнемся. Все время на краю гибели стоим и все равно выживаем. И закон какой-то там мировой нам не указ, как не указ пастуху, что у него сердце остановилось. Он все равно утром очнется, водки выпьет и шутить примется над своим товарищем.

Каждый диалог фильма «Дикое поле» – это монолог о России. Но Россия – это не образное понятие. Россия – это в первую очередь люди, которые живут на этой огромной территории, пустой, дикой, неодушевленной, загоняющей все живое в свои собственные правила выживания. Люди в России вольные. Они такие с истоков. Потому что места много. Хочу – налево пойду, хочу – направо. И поэтому отрубить голову мертвому человеку – не представляется чем-то сверхъестественным. Ведь власти-то все равно никакой нет. Большевиков нет. Москва далеко. Милиционер не в счет. Кто помешает, например, неизвестным мертвым отрубить головы и на кол их насадить...или пепельницу из них сделать? Пистолет милиционера мешает. Не было бы пистолета – отрубил бы, не мешкая. Свобода не нужна – воля есть!

И вот что есть еще. Есть еще на горе ангел-хранитель. Он на Дмитрия все время смотрит. Наблюдает за ним. Дмитрий его никак не поймает. Никак не уследит за ним. Ангел этот убьет его в конце фильма. Убьет, потому что он не ангел, не дьявол. Он человек. Русский человек. Дмитрий верил в нечто, а нечто не существует. Это дикая реальность на диком поле. Здесь дикие люди живут дико, и эта дикость им нравится.

ЗАВ ТРА

В октябре прошлого года в Москве прошел 2-й международный фестиваль современного кино «Завтра» (2Morrow2). Несмотря на небольшой стаж, этот кинофорум уже стал модным и популярным в кинематографической среде. А.Степанова встретила и поговорила с одним из организаторов кинофестиваля, выпускником ВГИКа, Григорием Подземельным.

– Григорий, расскажите, пожалуйста, о фестивале.

– С удовольствием расскажу, потому что этот фестиваль – любимое детище.

Фестиваль новый, в 2008 году проводился только второй раз. Был он создан, как ни странно, по инициативе западной коммерческой организации «AUDI». Для нас было сюрпризом, когда к нам обратился Иван Дыховичный, совместно с компанией «AUDI» придумавший эту идею. «Интерфест» был создан еще в 1975 году приказом Совета министров, тогда еще Советского Союза, как компания, которая специализировалась на производстве кинофестивалей и кинонедель. «Интерфест» делал и ММКФ, который

тогда проводился раз в два года, по нечетным годам. А по четным годам проводился фестиваль в Карловых Варах, – существовало такое негласное распределение. Кроме того, «Интерфест» проводил фестиваль в Ташкенте. Это был тоже крупный кинофестиваль.

Я впервые занялся ММКФ в 1993 году, будучи еще студентом ВГИКа. И ташкентский фестиваль тогда еще функционировал. Он прекратил свое существование с распадом СССР, потому что ослабли связи. По своему размаху и уровню финансирования он, кстати, был сравним с московским. Но в то время финансирование фестивалей начало сокращаться. С большим трудом удалось тогда спасти и вы-

вести ММКФ на тот уровень, на котором он сейчас находится.

Поэтому, видимо, не так много времени понадобилось Ивану Дыховичному на размышления о том, кто мог бы взять на себя организацию кинофестиваля «Завтра».

От организации ММКФ мы на тот момент, по известным причинам, уже отказались, но кадры сохранились и возможности тоже, поэтому мы с удовольствием откликнулись на предложение.

– Какова концепция фестиваля?

– В первый год и мы сами, не только журналисты, называли себя артхаусным фестивалем. Но это немного не соответствует действительности. Во-первых, рамки понятия «артхаус» довольно размыты. Т.е. у нас под артхаусом обычно понимают любое кино, которое не выходит в широкий прокат. Что бы ни сняли, плохое ли хорошее... Просто, кино не удалось, вышло в одной копии – все, артхаус.

Поэтому мы и постарались уйти от этого названия. По-русски назвали фестиваль современного кино, по-английски это получилось как contemporary – по аналогии с современным искусством. Наш программный директор Алексей Медведев хотел назвать это Festival personal film, но такая формулировка тоже не совсем точна. Имеется в виду персональное кино, т.е. в каждом фильме есть уникальная творческая позиция, с точки зрения режиссера, сценариста – в зависимости от того, с чьей точки зрения сделан фильм. По большому счету в фестивале

принимают участие фильмы, в которых есть зерно чего-то нового. Тот кинематограф, который мы видим – голливудские фильмы, наши – кто бы, что ни говорил, но многие ходы и приемы там из независимого кинематографа. После того, как человек что-то открыл, придумал, этот «новый взгляд» многократно тиражируется, штампуется и становится уже приемом масс-медиа, мейн-стримом. Т.е. истоки идут от какого-то творческого эксперимента. И мы ставим себе именно такую, может быть смелую, задачу – постараться рассмотреть те фильмы, которые делаются сейчас, которые для сегодняшнего кинематографа выглядят экспериментальными, возможно, не для широкого зрителя, но завтра – откуда и пошло название – именно это и станет настоящим кинематографом, кинематографом завтрашнего дня.

– Кто придумал это название «Завтра»?

– Не помню точно. Помню, что у нас был какой-то спор на эту тему. Были опасения, что будут аналогии с известной газетой экстремистского толка. Но, как ни странно, нигде в СМИ, никто даже не упомянул об этом, хотя мы этого и боялись. Так что название теперь пусть меняют они...

– Как подбирали программу на первый фестиваль?

– На первый фестиваль мы делали небольшое послабление, поскольку объективно оценивали сложность – фестиваль новый, и никто про него еще не знал. Сроки производства отбираемых фильмов, не придерживаясь жесткого порядка, кото-

рый принят на всех мировых фестивалях, мы определили в два года. Были, конечно, проблемы, но они не носили фатального характера. Зато в 2008 году мы уже серьезно отнеслись к этому вопросу – год и не больше. Но сделали и ретроспективы старых фильмов.

– Запомнились какие-нибудь яркие работы с первого фестиваля «Завтра»?

– Безусловно. Самый яркий фильм, который получил, кстати, главный приз, и мне лично очень понравился – это фильм «Однажды» из Ирландии.

– В прошлом году в жюри были маргинальный писатель В.Сорокин и культовый режиссер А.Корбайн. Почему оргкомитет пригласил именно их?

– По поводу Корбайна... Это, на мой взгляд, профессионал высшей пробы. Еще в 2007 году, когда он уже снял свой дебютный фильм «Control», получивший призы в Канне, мы хотели пригласить его на фестиваль. Получилось так, что у нас работала девушка, кстати, студентка ВГИКа, киновед Марианна Ибрагимова, которая имела отношение к организации показа этой картины в России. Она и предложила связаться с ним и пригласить в жюри. Учитывая, что и я, и Алексей Медведев с большим пиететом относимся к Корбайну, мы просто «уцепились» за эту возможность. Это был один из самых ценных для нас членов жюри. В его творчестве чувствуется действительно большой режиссер,

даже если речь идет о клипах. Он действительно культовая фигура, и то, что он начал снимать кино, абсолютно логично. Посмотрите его фильм «Control» – получите большое удовольствие.

А Сорокин... В нашу концепцию изначально входила подобная идея. Наши номинации отличаются от стандартных. Помимо «Гран-при», как у всех, номинации называются: «Актеры», «История», «Звук» и «Изображение». Изначально хотелось сделать фестиваль немного «другим». В газетах нас даже называли «антимосковским фестивалем». Но здесь можно говорить об антимосковском, как об антипode, о противопоставлении. Но это не специально. Мы старались противопоставить это всему тому, что мы сами раньше делали. Т.е. мы оттолкнулись от своего опыта, а не от опыта ММКФ. Противопоставление себе. Хотелось сделать совершенно новое. Поэтому и номинации такие – более обобщенные. Например, «История» - может быть присуждена и сценаристу, и режиссеру, а может, и продюсеру. Человеку, который придумал, о чем снять кино. Также и «Изображение» – попасть в номинацию может как оператор, так и художник-мультипликатор. Поэтому нам кажется, что если в жюри будут входить не только типичные кинематографисты, это будет полезно. К примеру, в 2007 году у нас был Липскеров – тоже писатель. Мы планируем и дальше приглашать людей, у которых основной вид деятельности не связан с кино. Потому что, когда человек смотрит

«свежим» взглядом, ему легче понять и оценить какую-либо новую концепцию.

– **Режиссерский дебют Мишеля Уэльбэка состоялся на Ваш взгляд?**

– Сам лично я, к сожалению, не смотрел картину, поэтому ничего сказать не могу. Но говорят, что это довольно непростой фильм. Я знаю, что во Франции он прошел не очень хорошо, и пресса его не жаловала. Но у нас на показе был полный зал, и зрители выходили довольные.

К сожалению, когда занимаешься кинофестивалем, редко удастся посмотреть фильмы.

– **Короткометражные фильмы участвуют в программе Вашего фестиваля?**

– Пока нет...

– **А будут?**

– Не думаю. Мне уже задавали этот вопрос...

– **Но ведь фестиваль называется «Завтра», а студенческие короткометражные фильмы как раз и несут в себе эту концепцию...**

– Объясню. В конкурсе – нет. Дело в том, что в той нише, которую мы пытаемся сейчас занять, мы еще не все сказали. Надо повышать статус и престиж фестиваля в тех рамках, которые мы придумали.

Мы старались обращать внимание на все новое. Большая задача кинофестиваля – рассмотреть, найти, а с другой стороны, показать кино зрителям и профессионалам, пообщаться с ними, обсудить, понять – правильно мы все-таки рассмо-

трели или нет, все-таки, БУДУЩЕЕ в кинематографе. БУДУЩЕЕ не только в творческом смысле, а, возможно, и в техническом. Поэтому, в принципе, мы планируем делать отдельные направления, секции, в т.ч. и новые жанры, новые формы...

Я считаю, что короткометражное кино, с учетом развития СМИ и с необходимостью контента для новых средств связи, приобретает новую перспективу развития. Сейчас рынком для таких фильмов являются лишь закрытые показы и специальные фестивали, их практически никто не видит. А с развитием нового формата и большой потребности контента студенческая работа имеет шанс попасть, можно сказать, в «большой кинематограф». Главное – есть перспектива, а значит должна повышаться и ответственность у тех, кто это кино делает. Это возможность, будучи еще на студенческом уровне, выйти на аудиторию.

И на нашем фестивале показывается много дебютов. Ведь молодые экспериментируют. Нет людей, готовых экспериментировать всю жизнь. Как правило, с возрастом режиссер находит свои приемы и использует их дальше.

– **Так возможно ли студенческому фильму попасть в программу кинофестиваля «Завтра»?**

– Если кино хорошее, если кино подходит под наши требования – с одной стороны высокие, с другой стороны специфические – то нет разницы, студенческое оно или нет.

сера пионо вы

сестры

беседовала Мария Однолетко

стр. 25-26

Они противоречивы, как сама жизнь.

Посмотрев на прошедшем вгиковском фестивале два абсолютно разных мультфильма и прочитав в титрах одно и то же авторское имя: «Полина и Елизавета Манохины», я очень удивилась. Однако, увидев позже, как эти хрупкие и кроткие девушки-златовласки, типичные музы Петrarки и Данте, лихо управляются с камерой, разбираются в сложных компьютерных программах и руководят съёмочным процессом, поняла, что удивляться придется бесконечно!

Выяснилось, что сестры также большие авантюристки и путешественницы. Недавно они вернулись из Америки, где победили в конкурсе престижного международного кинофестиваля короткометражного кино молодых режиссеров «MediaBridge 2008».

А на полке с дисками у них мирно соседствуют, и, может быть, даже с симпатией переглядываются: Иоганн Себастьян Бах и «The Rolling stones», Вольфганг Амадей Моцарт и группа «ДДТ», «Modern talking» и Булат Окуджава, «Летят журавли» и «Беги Лола, беги»...

Однако, при ближайшем рассмотрении, за ошеломляющим разногласием обнаруживается цельная их личностная система, первым и основным свойством которой является ярко выраженная двуплановость.

У меня есть стойкое чувство, что если бы Михаил Зощенко или Вениамин Каверин были нашими современниками, то сестры Полина и Елизавета Манохины, наверняка, присоединились бы к их компании «Серапионовых братьев». В условиях зарождающегося тоталитаризма, известные своими противоречиями «серапионы» выступали одновременно и за свободу творчества («не хотели принуждения и скуки, и чтобы все писали одинаково»), и за мир во всем мире. А свое причудливое имя позаимствовали из цикла рассказов немецкого писателя-романтика начала XIX века, Э. Т. А. Гофмана, которого сестры Манохины тоже почитают. В контрастировании реального с фантастическим и желаемого с действительным выражается та самая двуплановость.

Замечая или нет, сестры и сами живут «на контрасте»: между восприимчивостью к земному и устремлением к сверхъестественному. Своими размышлениями о времени и о себе Елизавета и Полина с удовольствием делятся с читателями «ВЖИКа».

С чего все началось? Тяжело жить в семье художников и не зарисовать...

Мы обдумывали, конечно, разные варианты. Если бы одна из нас не поступила во ВГИК, никто из нас во ВГИКе бы не остался. Это был наш уговор. Пытались бы поступить в Суриковский или Полиграфический. Главное для нас заниматься творчеством. Вместе.

Нам нравится работать вместе. В диалоге рождается истина, поэтому решения

для своих фильмов мы продумываем вместе. Если же возникают разногласия, тогда каждый из нас делает работу по отдельности, а потом мы уже вместе решаем, какой вариант лучше оставить.

У нас уже в пять лет, появилась тяга оживать рисунки. Помнится, тогда мы решили сделать свой 1-й мультфильм. Экран мы сделали в виде картонной рамки, а плёнкой у нас служили склеенные друг с другом листы бумаги, образующие длинную ленту. Пропускали эту ленту сквозь рамку — создавалась некая иллюзия

движения. В 8-м классе мы выпросили у родителей компьютер. Это был настоящий переворот в нашей жизни. С его появлением появилась возможность осуществить нашу многолетнюю мечту — оживить рисунки, одушевить персонажей. Первые попытки анимации мы предприняли в PowerPoint. С одной стороны — это был ад, ведь эта программа совершенно не предназначена для анимации, но с другой стороны, это был хороший опыт, потом, когда мы узнали про Flash, After Effect — мы были просто счастливы!

Полина: На вступительных экзаменах нужно было сделать изомпозицию на предложенные темы. Для создания этой композиции можно было использовать любые материалы — это мог быть коллаж, живописная картина, скульптура из пластилина, вообще всё, что угодно! Я выбрала тему «Из пирога растёт нога». Не помню уже точно, что за абстракцию я сотворила. Мою работу оценили высоко, но я никак не могла отделаться от мысли, что сделала какую-то высоко концептуальную фишку.

Полина: Я не думала тогда, как меня оценят, я думала, как сделать хорошо...

Лиза: Идея фильма может возникнуть у меня совершенно неожиданно. Чаще всего я отталкиваюсь от образа. Это может быть необычный персонаж, увиденный в метро, страшная тень от корявого дерева, развивающийся на ветру зелёный шарф, старый, потрёпанный зонт... Иногда нас может вдохновить музыка или стихотворение... Например, наш мультфильм «Не разлей вода» сделан по мотивам стихотворения Честертона. У нас есть специальный блокнот, куда мы записываем разные идеи и делаем зарисовки в нём, чтобы не забыть, и потом, используем этот материал в работах.

Наш мастер, Нормунд Гунорович Лацис, советует своим студентам не писать сценарии самим, а брать за основу уже готовые литературные произведения. Поэтому в этом году мы решили делать фильм по английской сказке XIX века.

Бывают у нас, конечно, и разногласия друг с другом. Одна из нас, например, хочет спать, а другую в это время «посетило вдохновение» и она решила, во чтобы то ни стало, записать свои мысли. А звук стучащих по клавиатуре пальцев мешает уснуть. Приходится мириться с этим.

Полина: Я не согласна с тем, что рисование на компьютере нельзя назвать искусством. Компьютер — это средство, как краска, как глина, только в настоящее время. Это просто другой инструмент. К тому же часто приходится сканировать рисунки, сделанные вручную.

Однажды, во время лекции по философии, нас зацепило слово «Полемос». И мы решили, что обязательно используем его в следующей нашей картине.

Фильм «Полемос» мы решили сделать предельно условным. Это фильм о том, как зло, в борьбе с добром, уничтожает само себя. Мир в этом фильме чётко разделён на две половины — на мир добра и зла.

Торжество зла в фильме мы считаем допустимым. Но тут очень важна позиция автора, режиссёра. И потом, то, что для одного является добром, для другого может оказаться губительным. Это очень субъективные вещи.

Для одной монтажной учебной работы нам надо было выбрать любой год из XX века и представить его в одноминутном ролике. Мы выбрали 1912 год, гибель

«Титаника». Мы поставили себе задачу смонтировать этот ролик, вообще не используя кадры из художественных фильмов. В этой работе мы использовали газеты того времени и хронику.

Полина: Самые щемящие моменты из «Титаника» Кэмерона для меня не связаны с любовной темой Кейт и Лео. Мне кажется самой пронзительной сцена, когда «Титаник» тонет, а оркестр продолжает играть. Вот это действительно трогает. Тем более, так и было в действительности, когда Титаник тонул.

Полина: Как можно вообще к своему времени как-то относиться? Мы же существуем именно сейчас! Некоторым людям во все времена казалось, что вот раньше было лучше, чем сейчас. Мне так не кажется! Я, например, не представляю свою жизнь без компьютера и Интернета.

Полина: Для наших фильмов мы берем героев и обстановку, близкую нам. Так получается, что в основном все наши герои – люди творческие - это художники, музыканты. Взять банкиров, менеджеров? Нас их обстановка мало касается. Если бы нам довелось поработать там, наверное, можно было что-нибудь придумать и на эту тему. Наш фильм «Клоны», отчасти, её затрагивает, он поднимает проблему личности и массовой культуры в современном мире. Человек не должен быть каким-то винтиком в механизме, он должен оставаться Личностью!

Полина: Мне кажется, что лучше посвящать себя какому-нибудь одному делу и заниматься этим профессионально. А вот, параллельно можно заниматься и другими вещами, которые тебе интересны – играть на музыкальных инструментах, изучать химию, писать стихи и так далее.

Мы учились хорошо, но школа нам никогда не нравилась. Школа – это тюрьма на 10 лет. Школа – это когда хочется делать то, что тебе важно и интересно, а делаешь то, что должен.

Чтобы нам было интереснее учиться, мы придумывали разные хитрости. Так, например, мы представляли, что наш учебник истории - это ценная и древняя книга, которая чудом попала в наши руки.

Когда нам надо было решать примеры по математике, мы превращали этот процесс в азартную игру. Мы соревновались в том, кто быстрее и при этом правильно решит задачи и примеры. Выигравший забирал себе всякую мелочь – брелки, фломастеры, ракушки, камушки и т.д. Суть была не в вещах, они перекочевывали постоянно от одного к другому. Просто сам процесс игры нас завлекал и даже примеры по алгебре приобретали другой смысл.

Лиза: Бедные люди, которые растут по одиночке! Им, наверное, безумно скучно! А как они в одиночестве школьную программу постигают – для нас вообще загадка!

Лиза: Ещё из школьной программы нам запомнились опыты по химии. Когда жидкости переливаются, колбочки дымятся – ммм!.. Мы с Полей во время одной лабораторной намешали такую дремучую кислоту, что она аж дырку в столе прожгла. Ну и ладно! Зато как красиво было, когда тёмно-лиловая жидкость стала, пузырясь, подниматься из пробирки...

Учиться во ВГИКе нам очень нравится! Делаем сейчас то, что нам интересно! Частенько спим только по 2 часа в день. Но для нашего факультета это, вообще

говоря, дело обычное. Ведь помимо курсовой, в конце семестра нам нужно сдать еще много экранных работ, мы уж не говорим об общеобразовательных предметах.

Полина: Сейчас уже не помню, где мы прочитали, что, хотя человек без сна может прожить только 11 суток, но, если не спать по определённой системе, то можно добиться потрясающих эффектов и даже эйфории. Мы решили поэкспериментировать. На третий день без сна мы ходили, будто в тумане, нам слышались разные голоса. Очень трудно было не заснуть на ходу, но мы хотели завершить эксперимент, во что бы то ни стало - продержаться хотя бы 5 суток без сна. Эта была отличная проверка силы воли! И мы были вознаграждены за это – под вечер третьего дня у нас началась эйфория. Казалось, что все люди на улице улыбаются, слова сами слагаются в рифмы, а все цвета кажутся необычайно яркими и даже предметы будто светятся!

Полина: Вообще мы не считаем, что мы очень похожи друг на друга. Так может показаться лишь в первые минуты знакомства. Друзья же нас различают без труда. Иногда нам даже хочется быть полной противоположностью друг другу. Был у нас такой случай, когда зубной врач даже не поняла, что мы близнецы. «Какие вы разные!» - говорит. В тот день мы действительно были одеты по-разному. Я – в джинсах, в ветровке с капюшоном, зачесанными в хвост волосами, а Лиза – в романтическом образе.

Пожалуйста, не надо нас спрашивать о политике! Мы плохо разбираемся в этих вопросах... Хотя как режиссёры, наверное, должны были.. И потом, мы вряд ли будем делать агитационные или политические фильмы.

Что нам дала поездка в Америку? Мы больше поняли свою культуру.

Полина:

Америка – очень систематизированная страна! В работе у них все продумано до мелочей, сбоев не бывает.

То, что почти все американцы толстые и тупые – это самый настоящий миф, далёкий от реальности...

Американцы все слова сливают в одно длинное слово. И к этому надо было привыкать.

В Америке есть очень чёткая, выстроенная система написания сценариев к кинофильмам. Она основана на психологии зрительского восприятия. Но, несмотря на чёткую схему, в сценарии обязательно должно присутствовать личностное начало. Он должен быть уникален.

Мы заметили, что одной из излюбленных тем для написания сценариев, у американских студентов, которые учились там вместе с нами, была тема борьбы против системы, против правил и законов. Видимо, какой бы ни была система, человеку свойственно ей не подчиняться и стремиться выйти за рамки.

Миссия художника - это показать привычное с какой-то другой стороны, это заострить внимания зрителя на том, что обычно ускользает от его глаз. Или же создать новый, совершенно иной мир... А так же подметить прекрасное в чём-то совершенно обычном и передать это...

Мы понимаем, что художник должен думать о зрителе. Но все люди разные, и у всех разные вкусы. Мы, когда делаем фильм, обычно, не ориентируемся, на какую бы то ни было аудиторию. Мы делаем то, что нам интересно. И надеемся, что это понравится кому-то еще.

кадр из фильма “клоны”

синефильный разум

ИНД

глазами современных

текст Марины Мурашкиной
фотографии Анастасии Евсеевой

стр. 31-32

Индия

х кинематографистов

Индия во все времена привлекала англичан – и как богатая чайная плантация, и как почва для духовной пищи. Она была и остается источником вдохновения для многих художников, и не только английских. Что касается нас, то пока, к сожалению, мы открываем для себя эту колоритную страну исключительно, как туристы. И все же Индия для нас - не только пляжи Гоа и подножия Гималаев, но также древняя культура и философия, ощущение вечности и покоя. И, быть может, вскоре и наши режиссеры, вслед за простыми тусовщиками, путешественниками и желающими найти уединение, отправятся на полуостров Индостан за старыми и новыми сюжетами о главном. А пока предлагаем вашему вниманию рецензии на картины «Крик муравьев» и «Миллионер из трущоб», в которых иранец Мохсен Махмальбаф и англичанин Дэнни Бойл рассказали о том, как многогранна эта цивилизация и сколько в ней красок и песен. Даже если «Индия уже не та», ее все больше осваивают жители развитых стран, и она все больше становится похожа на фильм Бойла, нежели на творение Махмальбафа.

Крик муравьев

Человек все время уповает на Господа, просит у него то прощения, то помощи, то жалости, то силы. Человек во Вселенной – это муравей. Муравьи кричат, когда их топчут. Правда ли это? А правда ли то, что можно докричаться до Бога? Зачем и что ему кричать – вот в чем вопрос.

В фильме «Крик муравьев» Мохсена Махмальбафа индийский идеальный человек говорит, что Бога находит каждый в себе. Попробуйте представить себе идеального человека. Вряд ли он будет пастухом, говорящим о себе в третьем лице. Вот и главная героиня удивляется, узнав, что перед ней идеальный человек. Ей просто неизвестно, что в Индии идеальным человеком может быть любой, кто знает, что такое гармония. Вот и фотограф в поезде говорит о себе, что он идеальный, удивительный. Говорит, что в его стране все такие. На рельсах сидит бородатый старик, он останавливает взглядом поезда. Разве не удивительно? А оказывается, что он просто жертва неудавшегося самоубийства и нищеты. Все в этой стране цветов и голода удивительно. Здесь люди перерождаются после смерти. Они так и живут: смерть – выдох, вдох – жизнь. Они устали от вечной жизни. Но жизнь их не спрашивает. И они идут на берег Ганга, чтобы умереть навсегда.

«Крик муравьев» - это фильм иранского режиссера, снятый в Индии, представляющий собой философское размышление на тему смысла жизни. Молодожены средних лет приехали в Индию в поисках идеального человека. Но оказалось, что идеальный человек им не нужен, им нужно взаимопонимание между собой и согласие с самим собой, чего не дарует им никто, кроме них самих.

Муж героини тащит за собой стул, чтобы на нем посидел идеальный человек, но вместо этого он приспособливает его для более полезных целей. Он пускает кусок дерева в форме венского стула в костер, где сжигают умершего. А на берегу реки Ганг сидят дети и вдыхают воздух, то есть живут. Тут же неподалеку отправляют – попросту сжигают – в мир иной умерших. Все рядом. Все едино. Дети прыгают весело в реку Ганг, где взрослые совершают омовения. И детская радость и беззаботность тождественно равна глубине их ощущений жизни. Потому что они не ищут Бога, не теряют его и не пытаются обрести. Вот немец с больными руками шутит о том, как плохо устроена жизнь в интерпретации разных религий. Немец окунается в Ганг, где плавают трупы, так же весело, как дети. Так же глубоко вздыхает. Все рядом. Все едино.

Если зритель досмотрит до конца этот достаточно веселый фильм-притчу, то, может быть, придет в неожиданное для себя, как жителя мегаполиса, состояние - когда не хочется говорить, читать, слушать музыку. Хочется ощутить себя. Не влезать в дебри осознания всего мира, а посмотреть вглубь себя. Осознать свое присутствие в этом мире. Каждый эпизод «Крика муравьев» - это мифологическое и философское изречение.

Кричат ли муравьи? А стоит ли кричать Богу, стоит ли искать Бога, если «я увидел весь мир в капле росы на листке в моем саду».

Миллионер из трущоб

Очень жаль, что мы пока что не печатаемся на цифровой бумаге, и поэтому текст не может сопровождать музыка. Ибо писать о фильме «Миллионер из трущоб» Дэни Бойла и Лавлина Тандана хочется исключительно под песню певицы Mia «Paper Planes». Она полностью выражает внутреннюю энергетику фильма, его настрой: немного хулиганский, оторванный от тусклой реальности, дерзкий, веселый, но не снижающий уровень напряжения. 120 минут экшна.

«Миллионер» - это не индийское кино, снятое в Индии. Это классическая голливудская мелодрама. Индия — это просто еще одно место на земле, ставшее в последние годы культовым. Истинная причина, почему режиссер решил снять фильм об Индии, естественно неизвестна. Может быть, ему захотелось вырваться из английского менталитета, американских декораций и высвободить всю свою энергию на речных просторах Ганга и в трущобах Бомбея. И не смотря на то, что все действие происходит в Индии, действие точно так же могло бы разворачиваться и в Манчестере, или в Бруклине, или еще где-нибудь. И это прекрасно! Именно это и позволяет каждому зрителю ощутить общность с главным героем, именно это и приковывает взгляд.

Весь фильм разделен по двум плоскостям. Одна — это ретроспектива жизни Джамали Малика и его брата, потерявших в юном возрасте маму, оставшихся на улице и претерпевших немало в стране, где таких же бездомных и нищих больше, чем работающих и преуспевающих. Вторая плоскость — это его настоящее. Его жизнь сегодня. Сегодня он сидит на допросе в полиции и рассказывает свою историю. Все дело в игре. В игре, которая на самом деле, называется не «Кто хочет стать миллионером», а как бы банально это не звучало, игра называется жизнь. В игре-шоу Малик знает все ответы, в жизни он эти ответы добывает.

Конечно, ни для кого не секрет, что человек поступает так или иначе, принимает решения и находит пути на основе своего жизненного опыта. Этот жизненный опыт нельзя измерить и определить. Он складывается и выстраивается, как фундамент, вопреки нашему желанию, но из-за наших поступков, эмоций и предлагаемых обстоятельств жизни. Все это слова, и, порой, они бывают не убедительны. Когда же слова приобретают форму и превращаются в двигающуюся картинку, они имеют гораздо большее влияние на человека. Фильм «Миллионер из трущоб» можно было бы даже назвать притчей. История мальчика, который многое делал в своей жизни, многое видел, не сидел на месте и справлялся с трудностями, все это в последствие применил ради любви и выиграл самый главный приз — счастье. Есть в этом какой-то поучительный контекст. Как закон физики: энергия ниоткуда не берется и никуда не исчезает, так же закон жизни. Все, что происходит с нами — не случайно и несет смысл, все наши знания о жизни

не бесполезны и когда-нибудь принесут немалую пользу. В этом есть и мудрость древних народов.

Дэни Бойлу и его напарнику индийскому режиссеру Лавлину Тандану удалось завуалировать глубокий философский подтекст в милейшую обертку. В этой обертке фильм придется по вкусу молодому поколению, среднему и даже старшему. Потому что всем нам хочется историй со счастливым концом, все мы мечтаем о большой чистой любви, которая победит, все мы хотим оказаться счастливыми... Но режиссеры говорят нам: он не просто lucky man, он знает ради чего он борется, ради чего живет, у него есть цель. Его цель – это любовь.

Все гениальное просто. И действительно, оказалось, что в основе фильма лежит несколько простых истин. Эти истины сейчас, в 21 веке, стало особенно актуально проповедовать. Ведь их почему-то забывают.

Помимо всех смысловых плюсов, картина имеет несомненные технические достоинства. Это и динамичный монтаж, который Бойл уже демонстрировал в фильме «28 дней спустя», и потрясающая игра актеров, и великолепные виды Индии, как когда-то в фильме «Пляж» виды Таиланда. Музыкальное сопровождение, которое подкрепляет динамизм фильма, создает ощущение Индии. За финальный эпизод фильма отдельное спасибо!

БУМАЖНЫЙ СОЛДАТ

АЛЕКСЕЯ ГЕРМАНА МЛ.

текст Елизаветы Симбирской
иллюстрации Екатерины Колосовской

Один солдат на свете жил,
красивый и отважный,
но он игрушкой детской был:
ведь был солдат бумажный.
Он переделать мир хотел,
чтоб был счастливым каждый,
а сам на ниточке висел:
ведь был солдат бумажный.
Он был бы рад - в огонь и в дым,
за вас погибнуть дважды,
но потешались вы над ним:
ведь был солдат бумажный.
Не доверяли вы ему
своих секретов важных,
а почему?
А потому,
что был солдат бумажный.
А он судьбу свою кляня
Не тихой жизни жаждал.
И все просил: огня, огня.
Забыв, что он бумажный.
В огонь? Ну что ж, иди! Идешь?
И он шагнул однажды,
и там сгорел он ни за грош:
ведь был солдат бумажный.

«Бумажный солдат»
Булат Окуджава

Космос. Одиночество. Самоотверженность. Храбрость. Еще не полетел Корабль. Еще не остановилось Сердце. Большие мазки на холсте истории отечества. К черту личное – да здравствует общечеловеческое.

Космос в предчувствии его освоения. СССР - настолько большая держава, что кажется, будто даже звезды содрогнутся, когда Юра Гагарин к ним прилетит. Но звезды хранят молчание, а дрожать приходится тем, кто к этим звездам стремится без передышек, без пауз и промедлений. Дрожать под давлением государственной машины и личных убеждений. Под гнетом времени, которое не останавливается, даже ради СССР.

Тонкая чувственность, гротескная контрастность, любовь, истерика, жертвенность, милосердие. Они страдают и живут ради мужчины, чья жизнь подчинена иным материям. Его мысли далеко от их любви, но их жизнь без него бессмысленна.

60-е, несущие перемены, сметающие, словно вешние воды, заскорузлость. 60-е, стремительные и прорывающие время и пространство. В 60-е все верили, хотели верить в какие-то изменения... Для русской интеллигенции это характерно. А для нового российского кино фильм «Бумажный солдат» необычен. Он продолжает эстетику вдумчивого, медлительного кинематографа Алексея Германа-ст. Но это не возврат к прошлому, это осознание необходимого миру и самой России киноязыка.

На просторах рунета завелся Кролик. KROLIK.RU – это новый Интернет портал, организующий и собирающий отечественную и не только кинообщественность. Наш корреспондент встретился с креативным директором портала Владимиром Макиным и расспросил его о Кролике.

– Что значит слово «Кролик»?

– Короткий ролик, кино-ролик. Кролик – это милое, доброе животное, а так же, если вы посмотрите на логотип, то увидите, что это тень от кролика. Это потому, что свой первый мультик мы сделали еще в детстве, когда показывали на стене тень от пальцев в виде кролика. Кролик, зайчик – это еще и национальное для России животное, что-то из детских сказок, былин, басен.

– Как давно «Кролик» приступил к работе?

– В ноябре. Вот уже семь месяцев, как наш сайт работает. За это время около двух тысяч человек зарегистрировались на портале.

– В чем именно суть «Кролика»?

– КРолик.ру – это портал для людей, профессионально занимающихся кино и телевидением. Здесь они могут загрузить свои видео- и аудио-работы, тексты, рекламные ролики, уже готовые фильмы, музыку, просто какие-то зарисовки, написать о себе, оставить телефон или e-mail. Это виртуальное пространство, где профессионалы и новички в кино могут находить друг друга. Наш сайт снимает барьеры между известными продюсерами и молодыми, еще не известными, сценаристами, режиссерами с именем и новичками в этой профессии.

– То есть сюда может попасть каждый желающий?

– Нет, каждая заявка обрабатывается модераторами.

– Компьютерами?

– Нет, все делается вручную. У нас есть такая функция на стартовой странице – постучаться в дверь. Там необходимо написать свое имя, электронный адрес и причину, по которой вы хотите зарегистрироваться на КРолике. Заявку обрабатывают. Но не все получают приглашение. Мы все-таки сделали этот портал для людей, имеющих прямое отношение к кино. Здесь уже есть большое количество известных сценаристов, режиссеров, продюсеров, тех, кто заявил о себе и тех, кто только собирается это сделать.

– Чем полезен сайт для студентов ВГИКа?

– Здесь собраны все те люди, пороги которых приходится обивать в реальной жизни. На сайте 70% посетителей – это молодое поколение, для которых этот сайт, в общем-то, и сделан, 25% - уже состоявшиеся профессионалы, а 5% - это люди, которые обладают деньгами, готовы вкладывать их в стоящие проекты. Получается такой круговорот. Новичкам необходимо набраться опыта работы у профессионалов, профессионалы ищут продюсеров, готовых вложить деньги в их проекты, а продюсерам нужны новые идеи.

– А если человек талантливый «свободный художник»? Как ему попасть на сайт?

– Пусть так и пишет в заявке – свободный художник. Это тоже приветствуется.

– Что такое рейтинги на вашем сайте?

– Это очень важная составляющая контента. Рейтинг той или иной выложенной зарегистрированным пользователем работы составляется из количества плюсов и минусов, поставленных этой работе другими пользователями. Рейтинг помогает самой «признанной» работе оказаться на главной странице. То есть появляется шанс, что ее увидит большее количество людей, чем, если бы у нее был маленький рейтинг. Это очень важно, что вся система модерируется обществом. Существует также рейтинг самого пользователя. Он складывается из суммы рейтинга его работ и его собственного рейтинга. У пользователей есть возможность голосовать друг за друга.

– Как устроен сайт? Чем он отличается от такого известного ресурса, как You Tube?

– Принципиальные различия. You Tube – это хостинг. Туда каждый желающий может «залить» свое видео, то есть все без разбора, все, что угодно. На нашем портале работы должны иметь художественную ценность, быть как-то реализованы. У нас творчество. Есть разные разделы на сайте, например, материалы – это библиотека, туда автоматически попадают все работы, которые вы загрузили на сайт, а есть кинозал – это уже отборный материал. Это короткометражные фильмы, интересные ролики...

– Это работы, выбранные профессионалами, так же, на условиях рейтинга?

– Нет, они модерируются порталом. Это тот материал, в котором есть мысль, идея, качество, законченность, целостность.

– В чем коммерческая составляющая вашего портала?

– Мы делаем этот сайт, в том числе и для того, чтобы люди зарабатывали деньги. Мы комплектуем материалы в пакеты продажи и пакеты трансляции. Например, есть пакет короткометражек, который мы можем продать на какой-нибудь канал, и автор получит определенный процент от продажи. Мы, естественно, заключаем договора с авторами. Для этого встречаемся лично, так как электронное соглашение не действительно. У нас есть несколько моделей, как эти ролики могут приносить прибыль своим авторам. Первое – это кликовая реклама. Если мы в конце ролика прикрепляем логотип нашего рекламодателя, то автору с каждого просмотра будет идти прибыль. Сегодня в российском Интернете, в среднем, 1000 просмотров стоит \$5, а если ролик просмотрит миллион человек, то выйдет круглая сумма. Вторая модель – это мобильное телевидение. Мы готовим для операторов сотовой связи мобильный контент. И третья модель – это цифровое, аналоговое телевидение. Сейчас мы заключаем договора с разными кафешками, чтобы транслировать в них ролики, как «Fashion TV». Помимо этого, есть такой раздел – платное видео. Человек, чья работа попала сюда после просмотра модератора, может получать деньги за то, что его видео смотрят. (Для студентов ВГИКа такой вариант возможен лишь в случае, если студент снял работу на свои собственные деньги, ведь все права на работы обычно принадлежат институту – от ред.)

– Как развиваются отношения между творцами на вашем сайте?

– Атмосфера сейчас достаточно доброжелательная. Люди, которые до этого общались в «одноклассниках», в «контакте», в «ЖЖ», появляются здесь и в блогах, и форумах, пишут о том, что им здесь удобно, комфортно. Конечно, не обходится без критики. В общем-то, как и в реальной жизни. Нет такого ощущения, что собрались творческие люди только для того, чтобы посоревноваться, кто кого «круче». Очень жестко критикуют друг друга люди, которые в оффлайне тоже соревнуются между собой, к их спорам подключаются другие, завязываются какие-то отношения, связи.

– Удовлетворены ли вы тем, как развивается КРолик.ру?

– У нас изначально был сценарий того, как должен работать портал. Естественно, мы его корректируем в процессе развития. Сейчас мы работаем в тестовом режиме и что-то дорабатываем в соответствии с пожеланиями пользователей.

– В чем ваше конкурентное преимущество. За последние месяцы появилось несколько похожих сайтов.

– Одним из идеологов этого проекта является Федор Бондарчук. И именно это является нашим конкурентным преимуществом. Он умеет зарабатывать деньги в кинопроизводстве. Связи, ресурсы, возможности – этим обладает Бондарчук. Это главный толчок для портала. Ему пишут со всего мира. И поэтому на нашем сайте сейчас появились люди из Сирии, Казахстана, Испании, с Украины и тд.

– Есть ли возможность читать сайт на английском языке?

– Нет, и это принципиально. Ресурс рассчитан на российскую аудиторию. И даже в перспективе мы не собираемся выходить на международный уровень – разные ментальности.

– Кто разрабатывал ваш сайт, логотип?

– Фирменный стиль, дизайн, все это делала фирма «Ракета-медиа» - компания Андрея Болтенко, режиссера Первого канала. Соучредителями портала являются Федор Бондарчук, Илья Бачурин – директор «ГлавКино», генеральный директор Максим Вишняков и я – креативный директор. У нас был инвестор Полина Дерипаска, но с недавнего времени проект финансируется другими инвесторами.

– Спасибо большое за интервью. «Вжик» желает вам успехов в работе!

Неудавшийся праздник Спектакль «Женитьба» Мастерская В.А. Грамматикова

текст Яны Суетиной
и Натальи Артемьевой

Жанр комедии на первый взгляд кажется легкомысленным, поверхностным, но это обманчивое впечатление, свойственно лишь беглому взгляду. Задача комедии намного сложнее, ведь заставить зрителя плакать намного легче, чем смеяться от души. Достаточно поставить перед вами ребенка, и вы уже растроганы, в то время как искусство клоунады отличается особыми тонкими гранями и варьируется между карнавальным юмором и тривиальностью. Известный мистификатор Н.В. Гоголь славился чутким, психологическим юмором, а так же способностью извлекать из глубин человеческой души все самое низменное. Поэтому экранизировать произведения русского классика может не каждый – всегда существует опасность выйти за пределы особенностей классического произведения.

4 курс В. Грамматикова к концу своего обучения выпустил такие театральные постановки, как «Ларионов», «Третье...», «Три сестры», «Последние». Начинающие актеры не оставили без внимания из-

вестное произведение Гоголя «Женитьба», перенеся повесть на театральные подмостки. Из классического произведения студенты сделали камерную постановку, с участием четырех актеров: М.Калашникова, С.Устиновой, В.Лукашук, Ю.Орлова. Вгиковская обстановка настроила зрителей на интимную атмосферу, а сведенное до минимума количество людей на сцене еще значительно усилило контакт с аудиторией, совмещение сцены и зрительного зала привело к абсолютному единению пространства. Литературный первоисточник слишком многогранен, переполнен сложными образами, которые не только украшают повесть, но и делают ее разноплановой. Однако студенческий вариант трактовки этого произведения в итоге оказался несколько измененным - постановщик придумал интересный ход: второстепенные персонажи, женихи Агафьи Купердягиной, были заменены на карты, однако, создалось впечатление, что герои были полноправными участниками спектакля. Режиссерская задумка придала постановке некую поэтичность, благодаря которой студенты могли более полно раскрыть характеры главных персонажей, но, к сожалению, начинающие актеры не использовали эту возможность. Участники спектакля не до конца передали истинную сущность своих персонажей, таким образом, спектакль получился излишне поверхностным. Психологические качества героев, на которые делал акцент Гоголь, были упущены, а это неизбежно привело к тому, что острое сатирическое произведение превратилось в простую комедию. Также актеры не смогли достоверно изобразить атмосферу эпохи, у зрителей могло создаться впечатление, что канва спектакля была просто перенесена в современное время, таким образом, игра актеров не соответствовала периоду, в котором развивались события повести, и была далека от совершенства. Реплики не проигрывались, а лишь произносились. Однако роль свахи Феклы Ивановны была наиболее яркая и совершенная. Актриса В.Лукашук смогла глубоко постичь внутренний мир своей героини и влюбить зрителей в лицемерную и криводушную женщину. Музыкальное сопровождение, состоявшее из произведений композиторов Альфреда Шнитке и Леонида Десятникова, было подобрано со вкусом и задавало тон всему повествованию в целом.

Мастерская В. Грамматикова радует зрителя искренними и непритворными театральными постановками. Спектакль «Женитьба» идеальным не назовешь, тем не менее, работа отличается своим особым стилем и манерой, студенты не побоялись привнести в классическое произведение новое прочтение, что в свою очередь помогло современному зрителю в полной мере оценить спектакль.

Владислав Малахов

НЕ СУДЬБА

Звонит телефон.
Глаза женщины с трудом открываются.
Телефон звонит второй раз.
Женщина скидывает с себя одеяло.
Телефон звонит третий раз.
Женщина садится на кровати и надевает тапки.
Телефон звонит четвёртый раз.
Женщина покачиваясь встаёт.
Телефон звонит пятый раз.
Женщина направляется к телефону, выходит из комнаты.
Телефон звонит шестой раз.
Женщина поднимает трубку.
Гудки.
Женщина вешает трубку.
Несколько секунд стоит с закрытыми глазами.
Поднимает голову и смотрит на часы, на них 5:20 утра.
Женщина направляется к туалету.
Нажимает на выключатель.
Открывает дверь в туалет, заходит, закрывает дверь.
Выходит из туалета, закрывает дверь.
Нажимает на другой выключатель.
Открывает дверь в ванную комнату, заходит, дверь оставляет открытой.
Моет руки, умывается, чистит зубы, вытирает лицо полотенцем.
Выходит из ванной, закрывает дверь.
Идёт в кухню.
Открывает воду в раковине, набирает чайник, закрывает воду, включает чайник.
Садится на стул и закрывает глаза.
Чайник закипает и отключается.
Женщина встаёт, достаёт кружку, достаёт растворимый кофе, насыпает в кружку.
Берёт в одну руку кружку, в другую чайник и начинает наливать кипяток.

Звонит телефон.
Женщина разливает кипяток на руку, роняет кружку,
разливает кипяток на пол.
Телефон звонит второй раз.
Женщина ставит чайник на стол и стонет от боли.
Телефон звонит третий раз.
Женщина открывает холодную воду и окунает под неё
руку.
Телефон звонит четвёртый раз.
Женщина закрывает воду и дует на руку.
Телефон звонит пятый раз.
Женщина выбегает из кухни.
Телефон звонит шестой раз.
Женщина поднимает трубку.
Гудки.
Женщина разочарованно усмехается.
Идёт на кухню, вытаскивает из под раковины тряпку и
вытирает лужу на полу.
Открывает холодную воду и минуту держит под ней
руку.
Женщина выходит на балкон, закрывает за собой
дверь.
Достаёт из кармана халата пачку сигарет.
Закуривает.
Мотает головой.
Телефон звонит.
Женщина курит и не слышит.
Телефон звонит второй раз.
Женщина курит.
Телефон звонит третий раз.
Женщина курит.
Телефон звонит четвёртый раз.
Женщина курит.
Телефон звонит пятый раз.
Женщина тушит окурок и открывает дверь балкона.
Телефон звонит шестой раз.
Женщина, не закрыв балкон, выбегает из кухни и мгновенно поднимает трубку.
Гудки.

Не судьба.

Ульяна Федулова

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ

(Немой этюд)

На перроне из вагона пригородной электрички появилась Татьяна Николаевна, женщина в возрасте, с повязанным вокруг головы платком и корзиной ягод в руках. Она улыбалась растеряннo и, смотря по сторонам, поправляла платок.

На здании вокзала с мучением растягивали плакат «Добро пожаловать», который, извиваясь, будто кривлялся на глазах у всех приезжающих под порывами ветра.

Татьяна Николаевна вышла из здания вокзала. Толпа людей захлестнула её. Она закрыла глаза. Слышен был стук каблучков по асфальту, шум колёсиков чемоданов, сигналили машины, рычали, захлёбываясь, моторы автобусов, при звуке гудка уходящего поезда женщина открыла глаза.

Теперь она смотрела, но в полной тишине. Люди шли молча. Те, что разговаривали, были за стеклом телефонных будок или в машинах: так, что их не было слышно. Татьяна Николаевна достала из кармана смятую записку с адресом. С одной стороны был начерчен пешеходный путь, с другой – схема проезда на метро. Женщина хотела обратиться к прохожему с вопросом, но увидела схему города и предпочла пойти пешком.

На перекрёстке движением руководил безмолвный регулировщик, которого понимали как пешеходы, так и водители. Машины продолжали недовольно ворчать, но, то там, то здесь на них загорался аварийный сигнал, говорящий «спасибо». Оказавшись внутри этой прекрасно налаженной системы условностей, Татьяна Николаевна была удивлена восторженно. Пройдя немало, женщина взглянула на часы и остановилась в растерянности.

Время шло быстро, оставалось всё-таки отчаянно решиться на поездку в метро. В своеобразной идиллии этого города лучше всего тебя, наверное, как раз понимали в кассах метро, где можно было положить двадцать рублей и получить ровно то, что тебе нужно. Вот так, без лишних слов, точнее, вообще без слов.

Женщина вышла из метро, добралась до места, в котором всё говорило о том, что здесь в скором времени будет выстроено очередное сооружение невиданной красоты. Всё как всегда на большой стройке, и высокий кран, переставляющий плиты, в первую очередь.

Татьяна Николаевна неуверенно махнула рукой, смотря высоко, на кабину крана, махнула ещё раз. Из кабины показался молодой человек, который обрадованно махал ей в ответ. Она наверняка кричала ему, объясняя что-то, показывая на часы, только слов её всё равно не было слышно из-за шума стройки. Молодой человек кивнул и продолжил работать, терпеливо дожидаясь конца рабочего дня.

Стройка шла полным ходом, крановщик всматривался в жесты других строителей, безошибочно понимая и исполняя их с помощью крана. Только жестов своей матери понять вовремя так и не смог. Прекрасно налаженная система когда-то принятых кем-то условностей дала сбой. Через пару часов, о чём говорили часы на здании напротив, когда работа была закончена, молодой человек спустился с крана, только матери найти уже не смог. У самого забора стояла оставленная корзина ягод. Малина в ней растеклась и закисло на солнце.

Татьяна Николаевна, стоя у кассы метро, безучастным и будто бы даже привычным движением, молча, положила двадцать рублей и в это время уже садилась в вагон пригородной электрички, чтобы вернуться туда, где её ждали коровы и курицы, которых надо было кормить. На здании вокзала был наконец-то растянут плакат «Добро пожаловать».

Юлия Новичева

ЦФАТ

Арик, Лиза и Вика возвращались домой с озера Кинерет. Пустое шоссе утонуло в глухой темноте, характерной для этих мест, и только фары старенького пикапа освещали дорогу, окруженную черной пропастью.

Лиза сидела впереди, а Вика разлеглась на заднем сидении, выставив ноги в открытое окно.

– Темная ночь, – с иронией напела Лиза.

Арик улыбнулся и передал ей бутылку воды.

Втроем ребятам всегда было весело, они знали, как и где можно хорошо отдохнуть.

– Арик, ты помнишь ту мелодию, которую мы слышали вчера на берегу, ты говорил, она у тебя есть, – внезапно вспомнила Вика.

– Iggy Pop, конечно есть.

Он вытащил из кармана телефон и, не сбавляя высокой скорости, стал искать мелодию, пока Лиза не закричала:

– Смотри куда едешь!

По узкой серпантинной дороге прямо на них мчался небольшой трейлер, но, вовремя среагировав, машины разъехались, оглушив друг друга продолжительным сигналом.

— Все, ищи сама,— сказал Арик, протягивая Вике телефон.

Вика недолго порылась в нем и долгожданная мелодия зазвучала.

Это был Iggy Pop «Never met a girl like you». Звук из динамика шел слабо, и Вика, послушав немного, подставила телефон к уху Арика, у него на лице появилась улыбка, отдающая какой-то особенной сладостью. Возможно, это были приятные воспоминания.

Ребята были в пути уже больше часа и поняли, что заблудились. В горах, чуть выше трассы, светился небольшой город.

— Думаю, стоит туда заехать, чтобы нам подсказали дорогу,— сказал Арик, разворачивая машину.

Так они въехали в старый восточный город. К тому времени стояла глухая черная ночь. На улицах было безлюдно, и только черные кошки пугливо пробегали и прятались в тень. Почти нигде в окнах не горел свет.

— Да, как-то странно, — задумчиво сказала Лиза, смотря за окно.

— Старинный город, — со вздохом сказал Арик.

— А мне тут хочется погулять, — радостно воскликнула Вика, после чего Лиза повернулась, а Арик посмотрел в зеркало, у обоих во взгляде читался упрек.

— Ой, да ладно, — с улыбкой сказала Вика и все трое улыбнулись.

Машина проехала вглубь города, так никого и не встретив.

— На улице никого нет, стоит прогуляться, — предложил Арик, с улыбкой глядя на Вику.

Припарковав машину, ребята вышли.

— О, тут же можно поснимать! — воскликнула Лиза. — Только вот у меня ночью фотоаппарат почти не работает.

— У меня снимает, — сказала Вика, сделав пару кадров.

– Смотрите, – сказал Арик.

Все повернулись и увидели высокую белую стену, за которой росло огромное дерево, тоже белое. Густая шевелюра из веток (листьев на нем не было), на фоне черного неба, выглядела необыкновенно красиво. Ребята подошли к стене, но она была настолько высокой, что дотянуться не получилось.

– Ощущение, что его опылили белой краской, – сказала Лиза, разглядывая дерево.

Вика сделала пару кадров, и ребята пошли дальше.

В городе было неестественно много магазинов-галерей. Таблички «gallery» висели над каждой дверью, в одну из которых они зашли. Но она оказалась пуста.

– Есть здесь кто-нибудь? – громко спросила Вика.

– Хозяева! – прокричал Арик.

На крики никто не откликнулся. В маленьком помещении все стены были вплотную завешаны небольшими по формату картинами, на потолке висела огромная пластиковая панель, рассеивающая свет, местами забрызганная краской, местами измазанная густыми пятнами. Это была имитация палитры.

– Здесь, наверное, живет великан, – сказал Арик, задрав голову.

– Определенно, – заметила Вика с ироничной улыбкой.

– Смотрите, везде повторяются только два сюжета, – сказала Лиза, рассматривая картины.

Действительно, на одних картинах были изображены виды этого города: кривые изгибистые улочки, выложенные брусчаткой, дома с высокими стенами и редко встречающимися маленькими окнами. На других были нарисованы музыканты: играющие на скрипках и аккордеонах, похожие друг на друга как близнецы: бородатые, в черных длинных пиджаках и кипах.

Ребята вышли наружу, свернув на одну из улочек. Далее магазины встречались редко, зато иногда картины были нарисованы прямо на стенах жилых домов. По-прежнему было пусто, и только кошки, мяуканье которых доносилось со всех сторон, появлялись и исчезали в тени.

Ребята остановились у старой деревянной двери, отделанной металлом. Дверь была немного приоткрыта, рядом на уровне лица находилось небольшое окно с металлической решеткой, напоминающее бойницу, изнутри занавешенное плотной тканью. Сначала Вика заглянула в окно, потом Лиза. Из-под ткани пробивался свет. Изнутри доносилось чтение, слова было невозможно разобрать, но, судя по монотонно читающему голосу, это были молитвы. Вдруг кто-то внутри подошел к двери и неожиданно с силой захлопнул ее, - ребята испугались. В одно мгновение, как будто кто-то нажал на выключатель, наступил день. Ребята испугались еще больше.

– День? – испуганно сказала Лиза.

– Как это возможно?– спросила Вика, оглядываясь по сторонам.

Они отошли буквально пару шагов, вдруг Арик запнулся на ровном месте и чуть не упал. В одно мгновение снова наступила ночь.

– Смотрите, ночь вернулась обратно,– растерянно сказала Лиза, глядя на ребят.

– Невероятно,– рассуждала сама с собой Вика, задрав голову.

– Думаю, нам стоит уйти,– предложил Арик.

Узкие, порой едва достигающие в ширину метра, улицы, уводили компанию в глубину города. Фонари, отбрасывая большие черные тени, светили с медным оттенком. На стенах домов иногда встречались нарисованные или отлитые из металла непонятные знаки: пересекающиеся круги и треугольники, которые соединялись в орнаменты.

Ребята шли, пока не уткнулись в стену, на которой было нарисовано продолжение улицы, причем настолько реалистично, что они и не поняли, что оказались в тупике. Все трое стояли у стены и гладили рисунок руками.

– Вот это да, заложить улицу стеной и нарисовать продолжение, – сказала Вика, покачивая головой.

– Шутники, – сказал Арик.

– Зачем они это сделали?– спросила Лиза.

— Думаю, чтобы такие придурки, как мы, уткнулись лбом в стену, — ответил Арик.

Вдруг он заметил, что в конце переуллка, по которому они шли, появилась фигура человека в шляпе, прошла немного и тут же свернула в другой переулок.

— Кажется, там кто-то прошел, давайте его догоним, — сказал Арик.

Они быстро пошли в ту сторону, и Вика, сделав пару кадров, бегом догнала их.

Так все трое оказались на небольшой площади, на противоположном конце которой развернулась следующая сцена: мужчина подошел к группе из четырех, как две капли воды похожих на него мужчин. Все они были высокого роста, бородатые, одетые в длинные черные пиджаки, черные брюки и высокие шляпы-цилиндры с небольшими полями. Не замечая ребят, они что-то оживленно обсуждали, активно жестикулируя, затем зашли в приоткрытую рядом дверь. Ребята подошли к окну и стали заглядывать. Штор не было, была видна пустая комната с белыми стенами и потолком, посреди которой находился длинный деревянный стол и скамьи. За него, снимая шляпы, рассаживались мужчины. Посреди стола стоял большой медный таз с водой, а рядом лежала книга в старинном переплете. Сначала мужчины продолжали оживленно общаться, затем кто-то начал неразборчиво читать и все замолчали.

Ребята наблюдали за происходящим, пока Лиза, стоявшая сбоку, не заметила движение сзади. Она повернулась и увидела двух сидящих в метре от них черных кошек, наблюдавших за ними.

— Кыс-кыс, какие милые, — сказала Лиза, наклонившись. В этот момент со всех концов площади из тени стали доноситься мяуканья. Из теней к Лизе и стоящим рядом друзьям, стали подбегать черные кошки. Их становилось все больше и больше, около сотни, мяуканье превратилось в жуткий гул. Черное кольцо из кошек окружило ребят, прижав их к стене. На лице Лизы читался страх и вина, Вика открыла рот от ужаса, а Арик вопросительно посмотрел на Лизу.

– Лиза, это ты их позвала?– спросил он.

– Тебе не кажется, что для простого кыс-кыс это слишком, – сказала Вика.

– Я не знаю, как так получилось, – растерянно ответила Лиза.

Между тем кошки все бежали и бежали, заполнив почти всю площадь. Они подбегали, садились и, направив взгляд на ребят, мяукали.

– Ребята, не знаю как вы, а я кошек не очень люблю, думаю, стоит уйти, пока нас не сожрали,– сказала Вика, сохраняя иронический тон.

– Вот только без паники,– сказал Арик.

– Мне страшно,– промычала Лиза.

– Уходить... легко сказать,– заметил Арик.

Кошек было столько, что некуда было ступить. Медленно отодвигая их ногами в сторону, Арик расчищал дорогу, за ним шли Лиза и Вика. Одна из кошек, которой, скорее всего, он наступил на хвост, вцепилась ему когтями в ногу. Арик закричал и стал отрывать от себя кошку. Искусав и исцарапав руки, кошка отцепилась, и он отбросил ее в сторону.

К этому моменту все трое сумели перейти площадь, но этот поступок явно не понравился остальным кошкам и они побежали за ребятами.

– Бежим,– крикнула Лиза.

Так кошки гнали ребят по улицам несколько минут, животных становилось все меньше и меньше, пока они все не исчезли.

– Вроде все,– крикнул, неровно дыша, Арик.

Ребята остановились, чтобы отдышаться.

– Покажи ногу,– сказала Лиза, наклонившись перед ним.

– Черт, больно она меня,– взвизгнул он, рассматривая исцарапанные руки.

– Как же такое возможно,– задумавшись, рассуждала сама с собой Вика.

– Не знаю, но, думаю, нам стоит вернуться к машине,– сказал Арик.

Но когда ребята пришли к месту парковки – машины не было.

– Я помню, я припарковался именно здесь, – кричал Арик.

– Подожди, может, мы путаем, тут все места похожи одно на другое, – сказала Лиза.

– Чертов город! Это все ты: давайте погуляем, давайте погуляем, – кричал Арик на Вику.

– Я? Может, это еще я виновата? Кто звал дурацких кошек? Я? – кричала Вика.

– Ну, конечно, это я виновата, у вас часто так бывает, вы говорите кыс-кыс, а сбегается две сотни кошек?! – кричала Лиза.

– Ладно, – сказала Вика, – надо найти машину.

– Слушай, а ведь когда мы выходили, ты фотографировала. Отмотай снимки, посмотри, – предложил Арик.

Вика достала фотоаппарат и отмотала.

– Точно, машина стояла здесь, – сказала она.

– Да уж, – промычал он.

– Давайте поступимся в первую попавшуюся дверь, попросим вызвать полицию, – предложила Лиза.

Зайдя в переулок, они увидели свою машину. Но переулок был настолько узким, что дверь почти не открывалась. После долгих усилий Арик все-таки протиснулся в салон и выехал, девушки сели на улице.

Выезжали из города молча: без музыки и без разговоров. На выезде из города стояла табличка: «Цфат. Город Каббалы».

Увидев надпись, Арик притормозил.

– Я, пожалуй, останусь, – задумчиво произнес он, выходя из машины и доставая рюкзак из багажника.

– Что-о-о?! – переспросили обе девочки.

– Мне надо кое в чем разобраться. А вы поезжайте. Я звоню.

Не дожидаясь ответа, он взял вещи и направился в сторону города. Проводив его взглядом, Лиза и Вика какое-то время сидели молча. Потом Лиза пересела на место водителя и, истерично газанув, машина умчалась прочь.

Радость

Я сама патология,
Ломаный градус.
Я сама себе радуга,
Сам себе радость.
На меня припадает вагон гомофобов.
Я и сам гомофоб, только скрытоутробен.
Восемь лаковых ласточек шили мне шёлки,
Не связать и не вывязать мылом на холке.
Только шёлк расползается, недоцелуя,
Оттого, что цветов и свиней не ценю я.
Эти птицы хотят, чтобы пел я природу,
Ну, а я вдохновляюсь своей же утробой.
Так уходит любовь моя, недообняв,
Оттого, что поверхностно считана я.
Я не вижу еще, на каком самолете
Взяли общую негу на пару карманов.
Я с тобой полечу, чтобы в легком полете
Ты влюбился в мой саван.

Кулешова

- **фоторепортаж к 90летию ВГИКа
«Старые мастера»**
- **лица ВГИКа
«О дипломах операторов»**
- **где-то на краю земли
Интервью с оператором Сергеем
Козловым**
- **мастер-класс
«Дэвид Линч. Голова-ластик»**

